

8:45

Выпуск 5
март 2016

Содержание

Театральные сезоны.....	4
У каждого своё кино.....	8
Самая соль	18
Крик Каллиопы	28
Дни минувшего настоящего	32
Вдохни новое веяние	38
Литературная кухня.....	44
Глаза как зеркало	48

Здравствуй, дорогой читатель! Прежде всего — надеемся, что весну ты встретил в приподнятом настроении, несмотря на страшные осадки, по словам синоптиков, побившие все рекорды. Если же тебе грустно, и ты не знаешь, чем себя занять, то бери печенье, усаживайся в кресло и погружайся в нынешний выпуск!

Мы поздравляем всех представительниц прекрасного пола с Международным женским днём! Озаряйте всё вокруг своей красотой и улыбками, любите ваших мужчин, пап, братьев, поздравляйте мам, бабушек, подруг, передавайте поздравления и от нас!

А пока ты, дорогой читатель, отдыхаешь в перерыве между походами в парфюмерные и цветочные магазины за подарками, мы вновь приветствуем тебя на страницах «8:45», издания, подготовленного и оформленного для тебя студентами ИФИ!

Как и прежде, мы собираем на своих страницах творчество и размышления студентов на самые различные темы, рассказываем тебе о театре и кино, предсказываем будущее по звездам литературной галактики, следим за новостями и мероприятиями в стенах родного РГГУ.

На страницах мартовского выпуска «8:45» ты найдешь новые замечательные студенческие стихи и рассказы. Тебя ждут новые эссе о кино и театре, история о том, каким праздником изначально было восьмое марта, отчет-рассказ о прошедшей в стенах ИФИ студенческой научной конференции. Ты узнаешь, кто такой Жан Виго, чем занимается таинственный Коллекционер историй и существует ли налог на тиканье часов.

За окном март, значит не за горами апрель и май, когда всё начнет цвести, и мы сможем, наконец, скинуть надоевшие за зиму пуховики и вдохнуть полной грудью.

Радуйся весне, одевайся по погоде, пей вкусный чай и не забывай о нас!

Оживающая и расцветающая с первыми весенними деньками,

*веращая в тебя,
редакция «8:45»*

Отзывы и предложения высылай на akikaterina@yandex.ru с пометкой «8:45» в теме письма.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СЕЗОНЫ

Юрий Бутусов «Добрый человек
из Сезуана»

Спецэффект ради спецэффекта

Юрий Бутусов — российский режиссёр, успешно работающий в разных театрах России и зарубежья уже более 20 лет. Его спектакли отличаются от прочих необычными, иногда даже странными решениями. В качестве приспособлений используется всё: разбросанные по сцене яблоки, возведение и разрушение масштабных декораций, одни и те же актёры могут играть разных персонажей на протяжении одного спектакля и еще множество других режиссерских находок используется в постановках Бутусова.

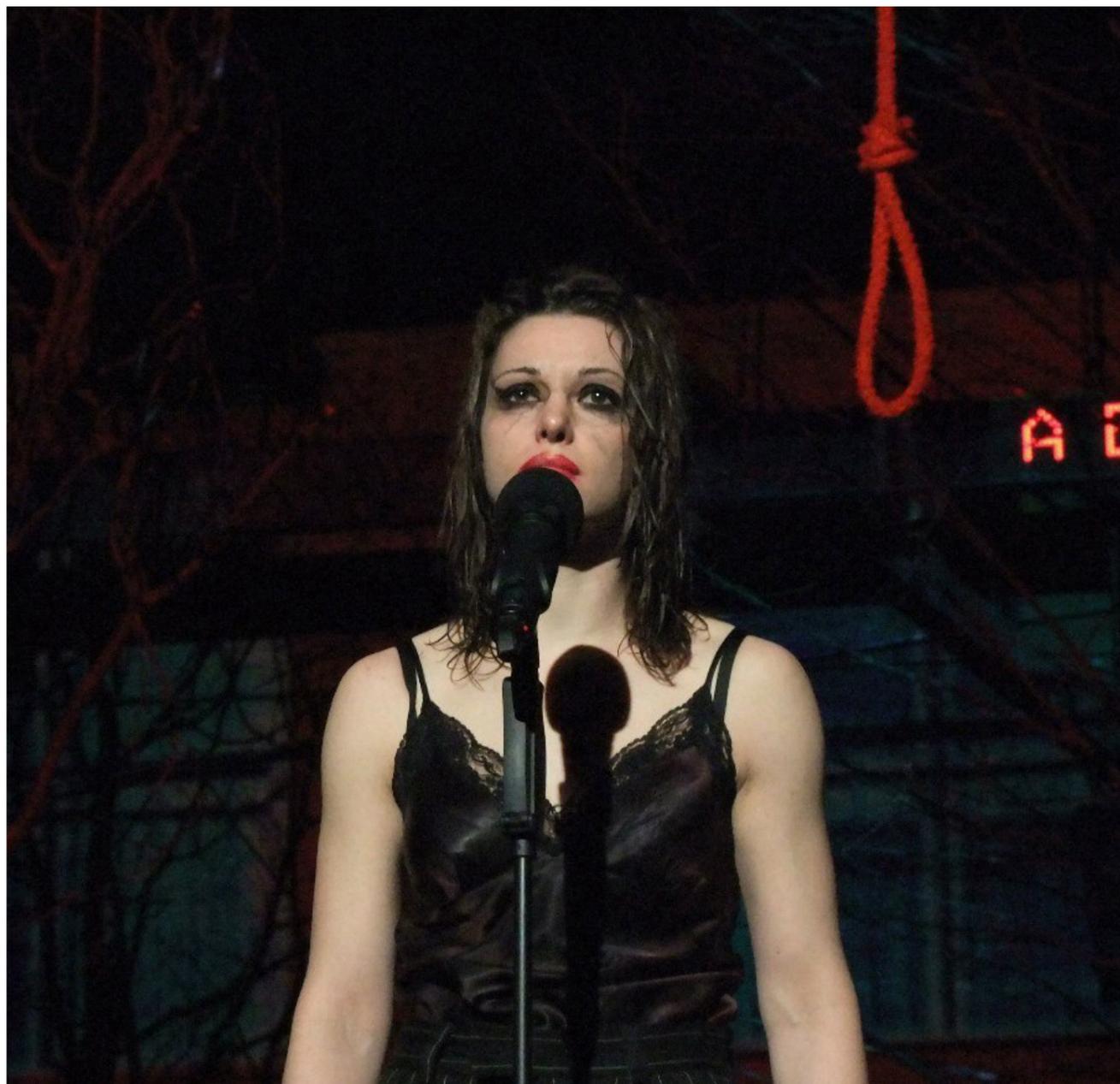
Я искренне советую ходить и смотреть его спектакли (в особенности «Чайку» в Сатириконе), изучать его творчество, но «Добрый человек из Сезуана»... не такой реализации я ожидала.

В пьесе речь идёт о проститутке по имени Шен Де. Как-то раз она приютила на ночь богов и те в благодарность подарили ей 1000 серебряных монет. На них она покупает табачную лавку, желая дарить людям добро, и стремится исполнять заповеди богов. Вот только люди злы, они пользуются добротой Шен Де, и в самый тяжёлый момент неожиданно появляется её двоюродный брат — некий Шой Та — и разрешает всё наилучшим образом... наилучшим, но жестоким и выгодным только его сестре.

Удивительную атмосферу произведения Бутусов передаёт благодаря музыкальному сопровождению: все песни, которые прописаны в пьесе, в спектакли звучат на немецком в исполнении самих актёров.

Обилие реквизита режет глаз. Без половины можно было бы обойтись. На мой взгляд, постоянно падающий в драматические моменты то ли снег, то ли град, совершенно не нужен. Мы и так

понимаем, что момент острый и его яркость нет необходимости усиливать. Совершенно странным образом только два раза за спектакль в руках у Шой Та появляется игрушка волка. Зачем? Что режиссёр хочет этим сказать? После первого акта появляется стойкое ощущение, что Юрий ... сидел и думал: «Какой бы ещё эффект добавить?» — и добавлял всё, что в голову придёт, не важно к месту оно или не особо.

Актёрская игра — высший пилотаж. Вот только сами задачи совершенно не те. Актёры постоянно кричат, по 100 раз переодеваются, юноша, который играет водоноса, почему-то постоянно горбится, шепелявит... да, всё это в стиле Бутусова, вот только совершенно не в стиле пьесы Брехта.

Не могу не отметить главную героиню. Буквально недавно Евгения Урсуляк с блеском сыграла роль Натальи в сериале «Тихий Дон».

Невозможно поверить, что та милая нежная девушка может быть такой жёсткой. Слишком жёсткой для персонажа. Шен Де добрая и мягкая. Каждый раз её вынуждают обращаться к двоюродному брату, который эгоистичен и деловит. Эти два персонажа разные, и их нельзя смешивать. Нельзя добавлять твердость Шой Та в мягкость Шен Де. Так что Евгения справилась прекрасно, но задачи, которые перед ней поставили, и образ, которые от неё требовали, немного не соответствует образу главной героини Брехта.

Самым ужасным было то, что очаровательной Евгении приходилось постоянно раздеваться и одеваться на сцене, наносить грим и снова смывать, размазывая по лицу. В конце спектакля она предстаёт перед зрителями в настолько нелицеприятном виде, что ей даже немного брезгуешь сочувствовать.

В конце хотелось бы отметить, что «Добрый человек из Сезуана» также идёт в театре на Таганке, и я буду рада, если кто-то составит мне компанию. :)

Софья Унковская

У КАЖДОГО СВОЁ КИНО

Это рубрика, каждое слово в которой есть признание в любви кинематографу. В ней публикуются самые разнообразные тексты: то могут быть и небольшие исследования, и эссе, и даже стихи о каком-либо фильме, ограничение одно — лишь ваша собственная фантазия. Каждый месяц эти работы будет объединять одна тема, становящаяся связующим звеном для этого ассорти.

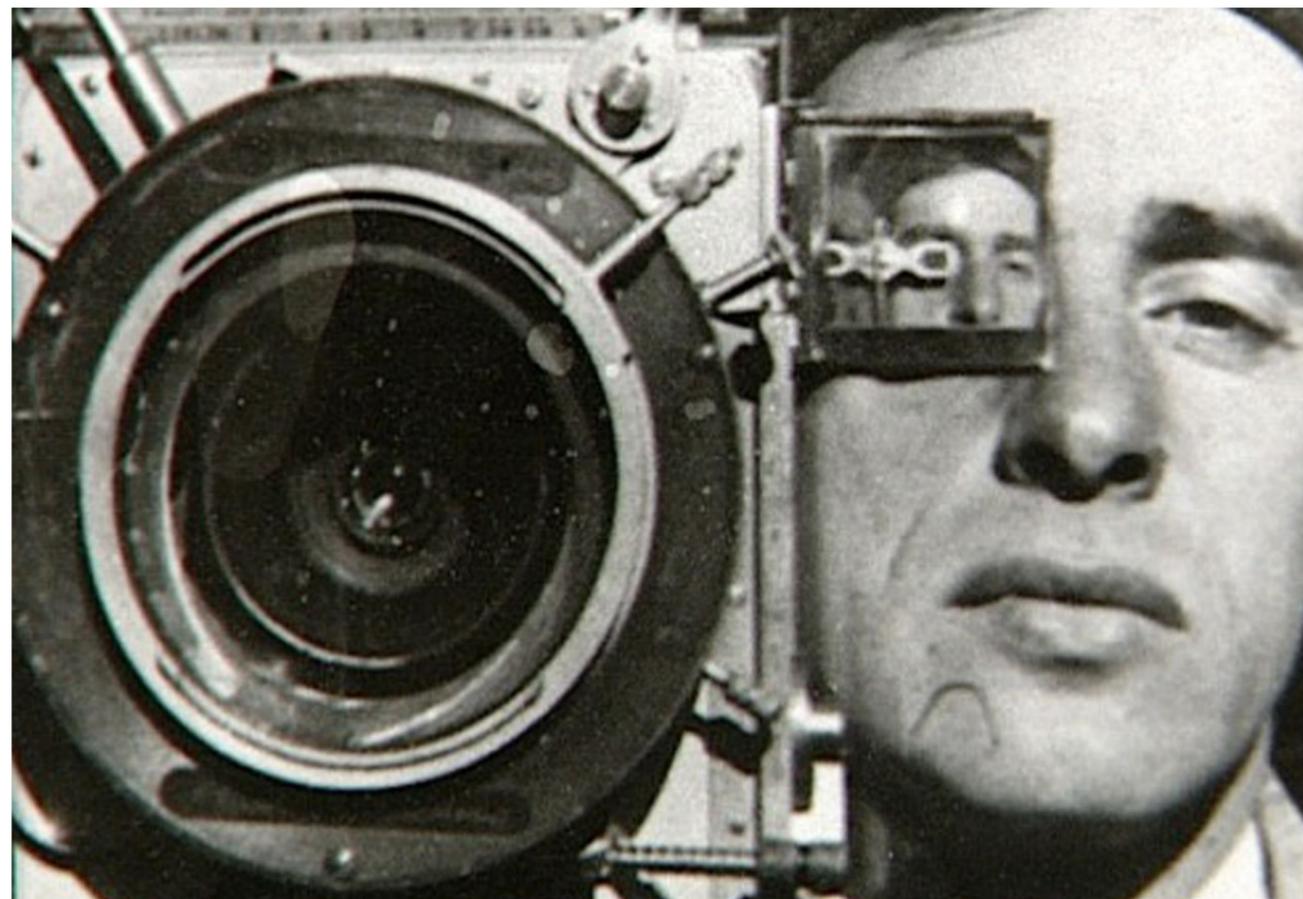
Жан Виго — режиссер, создавший за ту недолгую жизнь, что была отмерена ему, одновременно и обидно мало, и ощутимо много. Всего им было снято четыре картины, из которых лишь одна полнометражная, но важнее, конечно же, то, какое влияние эти произведения оказали на умы кинематографистов, и сколь весом оказался его вклад в мировой кинематограф.

Об этом и постараются рассказать студенты ИФИ в мартовском выпуске. И, вслед за ними, читатель прочтет, что может вырасти, даже если по поведению — ноль, что оставила главная героиня

на барже со звучным названием «Аталанта» и отчего крокодилы объявились в одном небольшом городе Южной Франции.

Фильмы Жана Виго

Когда Сергея Соловьева спросили, что нужно посмотреть начинающему режиссеру, он назвал только одно имя — Жана Виго. Конечно, начинать писать о чем-либо творчестве неплохо с патетичных фраз о значимости конкретного режиссера/художника/музыканта и так далее, а то вроде бы и писать о них было бы бессмысленно. Но Жан Виго действительно важен.

Благодаря нему французский авангард, который вполне исчерпал себя к моменту возникновения звукового кино, смог обрести новую форму.

29 лет жизни, три короткометражки и один полнометражный фильм, который сделал его автора классиком. Звучит невероятно: режиссура редко бывает профессией молодых, и многие начинают примерно в 30 лет. Кроме того, Виго много лет был болен туберкулезом и провел весомую часть жизни в санаториях. Но это нисколько не отразилось на его творческой манере. В его фильмах много света, энергии, много амбиций.

В самой первой работе Виго сталкивает хрестоматийные «блеск и нищету», вечно актуальные для французского общества.

Мир богачей и мир трущоб курортной Ниццы, конечно же, должны навлечь на нас скорбные мысли о подавленности рабочего класса. В общем, Рене Клер встречает Дзигу Вертова.

Но уже в самой первой работе Виго пытается нащупать то, за что весь мир будет обожать «Аталанту» — поэтический реализм. Видимо, изучение литературы не прошло для Виго даром. Известно, что кино всегда пыталось избавиться от слова и говорить образами. Но, так как поэзия — это тоже, по сути, полет образов друг за другом, почему бы не позаимствовать что-либо у нее? Виго «собирает» по кирпичикам свой город, создает его ритм, а параллельный и ассоциативный монтаж — повод для бесчисленных метафор и сравнений.

Почти детскую, восторженную игру с возможностями монтажа Виго продолжает в следующем фильме, на этот раз больше похожем на технический эксперимент. «Тарис, король воды» — 8-ми минутная ода новому искусству и его возможностям.

Как известно, из первого среднеметражного фильма Виго «Ноль за поведение» «выросли» «400 ударов» Трюффо и множество других фильмов. Романтически-абсурдистский сон воспитанников интерната, бунтарей против обыденности, продолжает тему «Ниццы». Вечное недовольство окружающим миром, стремление преодолеть его унылую обыденность и превратить все в безумную игру — что может быть более актуальным?..

И, наконец, «Аталанта». Много символов, много света, много воды и воздуха. Хотя, главной героине его явно недостаточно. Со времен «Мадам Бовари» всем известны эти тоскующие жены, которые спаса-

ют свою психику, мечтая о «Париже, Лондоне, Манхэттене» и прочих прекрасных местах, так не похожих на родную деревню. Виго отлично вписывается в традицию, идеально отвечающую его природному романтизму. Несмотря ни на что, мятежная душа его героини обретет покой — главное лишь понять, что счастье внутри, а не в Париже.

Удивительно, но почти через 60 лет истина про «милого и шалаш» откроется другим знаковым героям — парижским бездомным из «Любовников с нового моста» не менее амбициозного Леоса Каракса. Им придется буквально повторить опыт героев Виго — прозреть и обрести друг друга в мутных водах Сены. А главное: прочь, прочь из Парижа!

Эта преемственность традиций еще раз напоминает нам — забыть Виго невозможно, он — лучший учитель по искусству видеть.

*Марина Тарасенко, 2 курс направления
«Искусства и гуманитарные науки»*

La nuit s'est faite, la berge s'estompe et s'endort

«Париж, Париж, о город подлый,
Чудес ты полон
И дорог влюбленным всех времен,
Как и бандитам тоже,
О, ты — великий чаровник...»

Песенка папаши Жюля

У каждого из нас при упоминании Парижа всплывает свой ассоциативный ряд в голове. Но, зачастую, этот чудесный город вызывает лишь положительные эмоции, и мало кто думает о Париже, как о темном, наполненном разными угрозами месте. В фильме же Жана Виго «Аталанта» Париж представляется именно та-

ким — немного опасным местечком, на красоты которого слетаются провинциальные бабочки. Но при этом нельзя сказать, что Виго романтизирует окраину. Хотя в фильме она и показана только в самом начале, но этого достаточно, чтобы все стало понятно: вся эта умеренная деревенская жизнь с ее сплетнями и предрассудками уж никак не может привлекать. А действительно романтичным, безопасным и свободным местом в кинокартине представляется баржа под именем «Аталанта». «Дом», который окружен водой, как границей, за чертой которой подстерегают опасности. И вот, на этой барже плывут и живут главные герои фильма в лице

капитана корабля Жана (его исполнил Жан Дасте), его молодой жены Жюльетты (Дита Парло), помощника капитана Папаши Жюль (Мишель Симон) и молодого юнга (Лефевра).

Сюжет кинокартины совершенно незамысловат. Молодожены отправляются на барже в сторону Парижа. Путешествие романтическое только отчасти, так как у них есть груз, который им нужно доставить. В какой-то момент они сходят с баржи, чтобы прогуляться и сходить в кафе, где героиню и настигает торговец-искуситель, который соблазняет ее платком. Молодая пара ссорится (у них и до этого не все было гладко). И Жюльетта сбегает в Париж, в город, о котором она давно мечтала. Таким образом, когда она пересекла границу между водой и берегом (очерченной даже с технической стороны: есть пару кадров, на которых благодаря операторской работе Кауфмана видна та самая граница), героиня рушит не только свое счастье, но и спокойствие внутреннего мира Аталанты. Она уходит ради мира красивых вещей, не заметив того, что настоящую «красоту» она оставила на Барже. Восстанавливает равновесие герой Мишеля Симона Папаша Жюль. Пожалуй, самый колоритный персонаж фильма. Старый моряк, чья жизнь была полна приключений, а прошлое, вероятно, было не совсем гладким. Именно он возвращает «заблудившуюся» Жюльетту домой.

25 апреля 1934 года в «Пала Роше-шуар» состоялся просмотр фильма Жана Виго «Аталанта» (первого и последнего полнометражного произведения режиссера). Фильм приняли холодно. Картину решили переработать. Был изменен первоначальный замысел фильма: неко-

торые сцены были полностью вырезаны, а вместо мелодий Жобера зазвучала музыка Биксио. Изменили и название киноленты. «Аталанта» превратилась в «Проплывающую шаланду» (в честь популярной песенки того времени). Через некоторое время после премьеры фильма Жан Виго скончался. Имя гения, непризнанного при жизни, зазвучало по-новому только в 50-х годах. Именно в этот период его фильмы были заново открыты, стали источником вдохновения для многих режиссеров «Новой волны».

Сценарий фильма был основан на романе малоизвестного автора Р. Гишена. Оригинальный сюжет «Аталанты» не отличался особой самобытностью, поэтому Виго несколько его изменил, приняв предложенные образы и общий характер действия лишь как отправные точки для дальнейшего развития. Все герои были на месте: Жан, Жюльетта, папаша Жюль, юнга, но их характеры были преобразованы, также были добавлены и изменены некоторые детали. Например, вместо собаки, которая в романе жила на шаланде, на ней поселились кошки, которые заполнили пространство фильма, стали полноправными его героями, неотделимыми от личности папаши Жюля.

Фильм «Аталанта» навсегда останется классикой мирового кинематографа, с его метафорами (разбитыми тарелками незадолго до ухода Жюльетты; сном, в котором героиня уходит от Жака) и великолепными съемками (чего только стоит съемка под водой!). Мир «Аталанты» всегда будет жить в наших сердцах.

Анастасия Ермишкина, 3 курс направления «Искусства и гуманитарные науки»

Nascentes morimur

В 1930 году, в то время, когда звук пядь за пядью стремительно и деспотично завоевывал свое место в кинематографе, вышел первый фильм Жана Виго, названный «По поводу Ниццы». Главным персонажем этого кинофильма является сам город, на чьем теле одни пороки общества — нищета и ущемленные слои — вступают в противоречие с другими, праздными и равнодушными ко всему зажиточными обывателями. И, в тоже время, они неразрывно связаны друг с другом, как и величественные старинные здания неотделимы от бедных, грязных улиц за их спинами.

Вся атмосфера вначале пронизана надвигающимся маскарадом и предпраздничной суетой. Парал-

лельным монтажом показывают официантов, уборщиков, работников кафе и огромных кукол из папье-маше, которых привозят в город и готовят к празднику, прорисовывая им лица и одевая в нарядные костюмы. В нужный момент движение камеры происходит от кроны дерева к его корням, а в следующем кадре наоборот, поднимается от низа к кроне: то есть пространство представлено вертикально, где одно главенствует над другим, и, таким образом, в рамках городской тематики поднимается социальная проблема неравенства одних над другими. Со следующей минуты в повествовании происходит переделом — глазам зрителя предстают дома с неожиданной точки зрения: они перевернуты с ног на голову или будто лежат на боку. Меняется

восприятие, и, несмотря на то, что линии и очертания домов остаются ясными и четкими, как они и есть, отныне остается впечатление их искаженности, неправильности. Словно дым растворяется доверие к устойчивому и постоянному камню. Теперь и музыка становится другой: изменяется ее темп на более убыстренный. Камера мчится по дороге, снятой длинным планом, и оказывается в гуще пестрого народа, затем несколько минут хаотично любуется этой разношерстной толпой на выбеленной солнцем набережной, постепенно переходя к различным, поначалу мирным, зарисовкам городской жизни: лодки, плывущие по морю, теннисисты, гонщик... Но будничность происходящего в определенных местах нарушается, балансирует на грани реальности и сна — женщина, в каждом кадре сменяющая наряд и, в итоге, оказывающаяся совершенно обнаженной; крокодилы, чье внезапное появление в южной Фран-

ции можно растолковать лишь как лихорадочный бред изнемогающего от полуденного жара молодого человека. Незыблемость обыденного существования ставится под сомнение, это лишь видимость, в глубине своей оно иллюзорно.

И вновь внимание невольно сосредотачивается на камере, мечущейся по зданию и внимательно осматривающей его отрывистыми скачками с самых разных ракурсов, а вслед за ее движениями по изгибам каждой арки появляется ощущение зыбких морских волн или головокружения, придающего мотив болезненности, духовной или же физической. Дальнейшее повествование раскрывает темную сторону города: нищету, больных, отверженных, помои, тесные, давящие улицы. Всё это резко контрастирует с безмятежными личностями на просторной набережной, чьи пороки скрыты за внешним благополучием.

Теперь беспристрастному взору объектива камеры предстают

бедняки, искаленные и изуродованные болезнями — и внезапно обрывается музыка. Действие на несколько мгновений окунается в абсолютную, оглушающую тишину, сопровождающую столь жуткие картины общества, и тем обостряющую восприятие зрителя. Далее этот эффект усиливается при помощи контраста, показываются беззаботные веселые люди в красивых нарядах, танцующие под незатейливую музыку в ресторане. И тут действие вплотную приближается к тому, к чему уже были предпосылки в начале — начинается городской карнавал. Режиссер подошел к этому моменту весьма неспешно относительно короткометражного фильма, а персонажи, изображенные на экране, в противовес охвачены суетой, буйной пестротой (явственной даже в черно-белой картине), проявляющей собою поток некой безудержной жизненной силы, умело охваченной автором в нужную для него форму.

Который раз используется прием ассоциативного монтажа: военные в парадных костюмах чередуются с крестом надгробия — так праздничное веселье переплетается со смертью. Следом эта метафора развивается дальше: детально показываются надгробия и кладбищенские скульптуры, чередующиеся с кадрами, на которых безудержно, в экзальтированном состоянии, танцуют молодые девушки, не волнуясь о своих задирающихся юбках или чем-либо еще. Повсюду свежие цветы, почти у каждого горожанина, и столько же их кинутых наземь, недолговечных, растоптанных толпой и лошадьми. Напоминание ли это о стремительно ускользающей жизни или же сама смерть, что разгуливает по городу, то прикрытая цветами и праздничными одеждами, то обнаженная в язвах и гниении?..

Неистово танцующая молодость на экране сталкивается с кадрами, на которых женщина в годах, чье лицо искажено надрывной улыбкой словно плачем, будто скорбит об ушедшей юности. Взглядом она обращается к фабричным трубам — символом надвигающейся новой эпохи, хоронящей под собою старые времена — и невозможно разобрать ее слова, что тщательно и тщетно произносит немой рот. Здесь, как и во всем фильме, отсутствуют интертитры — и это кинематограф в его чистом виде. Чем меньше лишних фраз, тем больше зритель наблюдает за происходящим на экране, анализируя и интерпретируя, как соотносятся друг с другом кадры, те символы и знаки, что разбросаны в них. Это тот самый путь, следуя которому можно добраться и до сути киноязыка в целом.

Во время карнавала противоречивые составные части городской культуры смешиваются в нечто единое, выявляя то самое, чем пронизаны все темы на свете — жизнь и смерть. Жизнь, по сути своей, трагична и пронизана суетой, она — иллюзия, неуловимо призрачная перед неотвратимо надвигающейся-

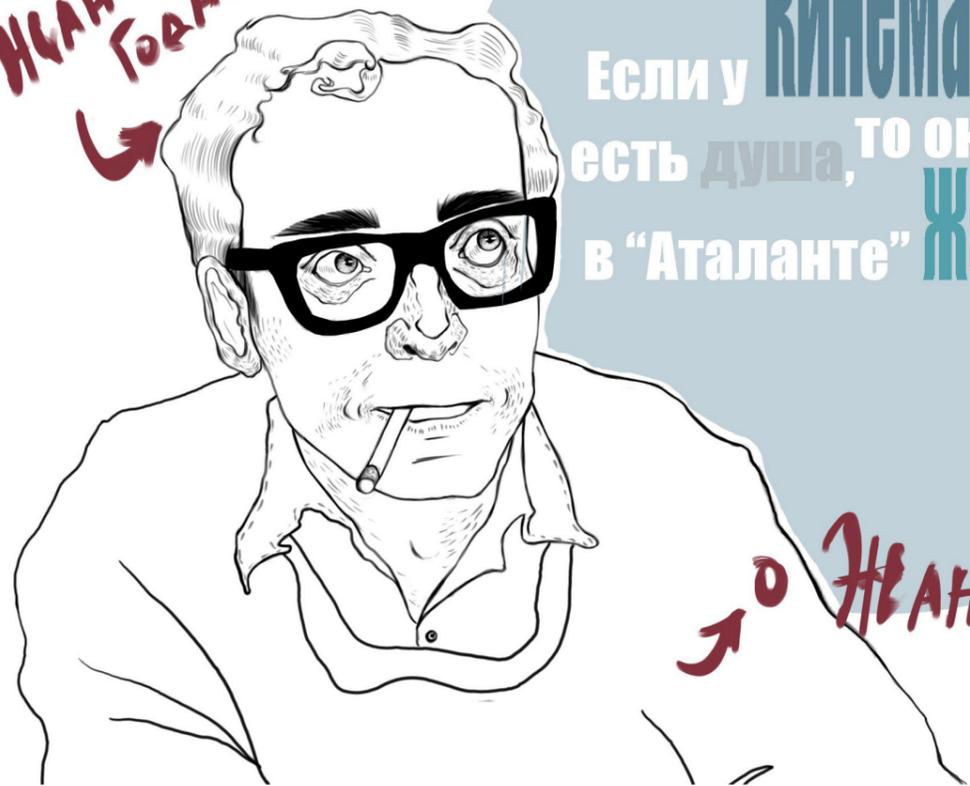
ся смертью. Так и все то, что составляло праздник, в последних кадрах сгорает, превращаясь лишь в пепел и растворяющийся на ветру дым, ничего не оставляя после себя.

Дарья Тимофеева, 2 курс направления «Искусства и гуманитарные науки»

Дарья Тимофеева

На этом моменте пора бы написать заключительное «FIN», но, вместо этого, я обращаюсь ко всем людям и эльфам, пришельцам и далеким галактическим странникам, ко всем разнообразным личностям, которых объединяет наш факультет — если вы тоже горите кинематографом, посвящаете ему невообразимое количество часов вашей жизни, пишете о нем и желали бы увидеть свои работы опубликованными у нас, то присылайте их и задавайте свои вопросы мне, Дарье, на почту (andersen_nn@mail.ru) или на страницу ВК (<http://vk.com/id182789616>). Апрель принесет с собою все больше долгожданного тепла, а кроме того — очередной новый выпуск, в котором будет затронута тема «Оригинал и ремейк». До новых встреч!

*ЖАН-ЛЮК
ГОДАР*

Если у **Кинематографа**
есть душа, то она живет
в «Аталанте» **Жана Виго**

Жане Виго

САМАЯ СОЛЬ*

«Самая соль» — это о прозе. Любой студент ИФИ, которому важно быть услышанным, который получает вдохновение от диалога с читателем, от читательской отдачи, который владеет мастерством создания новых миров или преобразования реальности, может опубликовать свой рассказ в данной рубрике и получить желаемое.

На мой взгляд, одной из самых страшных вещей, которая может случиться с любым человеком, является внезапно осенившее его понимание того, что он проживает не свою жизнь. На каком бы отрезке уже зрелого, сознательного периода жизни человека не ошарашило это понимание, принять этот факт будет не легко. Понять, что все это время не имел собственного мнения, что жил лишь чьими-то убеждениями и руководствовался в принятии жизненно важных реше-

ний стандартами, замысленными представлениями общества о том, как «правильно» и «неправильно», что вообще всегда был зависим от мнения окружающих — разве это не страшно? А бывают и те, кто создаёт себе кумира и всеми способами пытается быть, как он. Этот человек делает все возможное, и, в результате, иногда даже достигает схожести с объектом своего восхищения... но ведь мог бы стать оригиналом себя. Бывает, человек растворяется в стоящих над ним людях от страха. Не смеет сказать ни слова и становится не собой, а тем, кем его хотят видеть.

Мне кажется, что чаще всего такой тип людей, проживающих не свою жизнь, так и не приходит к этому страшному осознанию, хотя, безусловно, бок о бок с каждой закономерностью ходит исключение, разрушающее ее.

В пятом выпуске «Самой соли» публикуются рассказы о судьбоносном: о встречах, о воспомина-

* Потому что звучит просто и красиво, а тексты отбираются самым тщательным образом.

ниях, об историях, которые станут воспоминаниями позже, но сейчас влияют на живых героев в проживаемых ими обстоятельствах. Возможно, Аглая — героиня рассказа «Из пункта А» — многое переосмыслит в своей жизни после встречи с Полли. Относительно героя первой части рассказа «Коллекционер историй» предположить пока можно только одно: его наверняка ждет немало количество приключений. Рассказ «Из пункта А» принадлежит перу студентки 2 курса ИФИ направления подготовки «Зарубежная филология — компаративистика» Марии Филяевой. Мир «Коллекционера историй» создала студентка 2 курса ИФИ направления подготовки «Искусства и гуманитарные науки» Софья Исаева.

Приятного чтения!

Из пункта А

— Девушка, вы мне на ногу наступили!

— Ну и что?

— Как это что?

— А вот так! На весь город второй месяц наступает осень, а вы так переживаете за какую-то конечность, что до сих пор не сменили ботинки.

— Конечность?!

— Хотелось бы верить, что да. Хотя, судя по облакам и стенам домов, можно подумать, что такая погода никогда не захочет заканчиваться.

Аглая нервно дрогнула плечами и смерила собеседницу взглядом, в котором гордость боролась с заинтересованностью. Не желая демонстрировать наличие последней, женщина скривила густо на-

крашенные губы: ишь ты! Обычная девчонка в зеленом пальто, расшитом бисером, и дурацкой шапке в цветочек стояла перед ней и, с видом гордой бродячей кошки, лениво изрекала истины, якобы претендующие на оригинальность.

Аглая еще раз фыркнула и отошла подальше от странной пассажирки, но та невозмутимо последовала за ней, по пути постукивая по спинкам кресел и поручням широким металлическим кольцом.

— Чего вам? — буркнула Аглая, немного смущаясь, а потому нервничая — Я не...

Девушка приложила палец к губам, а после широко улыбнулась и протянула руку в перепачканной синей варежке.

— Я — Полли. — сказала она и почему-то засмеялась.

Так все и началось. Неделю спустя, Полли уже ходила по трехкомнатной квартире на последнем этаже девятиэтажки, которую Аглая присмотрела около года назад, но еще ни разу не приглашала гостей.

— Зачем тебе так много места, если ты никого сюда не зовешь? — Полли вертела в руках деревянную кошку, одну из тех, какими коллекционеры бездумно загромождают полки в надежде создать уют. Заметив недовольный взгляд хозяйки, она поставила статуэтку на место и неопределенно хмыкнула, — безвкусица.

Аглае не оставалось ничего, кроме как выступить в защиту деревянного питомца.

— Почему это безвкусица?

— Ну, как тебе сказать... — Полли выдержала паузу, а потом нехотя продолжила — Это все как-то до мерзости обычно. Люди покупают

вещи, дают им имена и даже любовь, а после верят в нее так сильно, что начинают считать себя вправе отстаивать свое чувство перед другими. И все это, в какой-то степени, даже трогательно, но разве может любовь к простой деревяшке быть настоящей? Скажи, если я вдруг выброшу эту чертову статуэтку из окна, ты рассердишься и выгонишь меня на улицу?

— Не исключено.

— Так я и думала. — Полли явно была разочарована. — Твоя любовь — обычная жестяная банка. Знаешь, что случается с людьми, не умеющими, но очень жаждущими любить? Как только они видят хоть какое-то чувство, в котором может содержаться тепло, они набрасываются на него, вот так, всем телом, и начинают душить. Когда же чувство достигает необходимой степени слабости, его засовывают в банку, а после того, как из банки начинают доноситься жалобные стоны, крышка ненадолго открывается, и изголодавшемуся чувству бросают предмет. Совершенно любой, главное, чтобы существовал. И тогда чувство вгрызается в предмет и больше не плачет от голода, ибо на безрыбье, как говорится, и кашель как музыка звучит. А знаешь, что происходит с такой законсервированной любовью потом? Она оседает, а так как предметы любить совсем нетрудно, человек начинает подкидывать в эту банку новые и новые вещи и становится этакой дышащей барахолкой. Терпеть не могу коллекционеров.

— По-моему, ты совсем неправ. Что плохого в коллекциях и подборках? И, знаешь, совершенно

не обязательно консервироваться, если любишь памятные вещи. Да и вообще, разве можно жить совсем без вещей?

— Ты опять не поняла. Любовь не терпит статичности. Если ты выгонишь меня из своего дома, то на следующий день будешь ждать меня снова, и, я уверена, расстроишься, если я не приду. Все потому, что я для тебя — человек новый, непривычный и интересный. И я это знаю. А, впрочем, речь не о том. — Полли немного помолчала, измеряя шагами комнату, а потом подошла к Аглае вплотную и долго смотрела на нее, словно пытаюсь решиться на еще один шаг — самый важный. Несколько неуверенно она опустилась на диван, но уже через пару секунд вскочила с него и, поджав ноги, уселась на подоконнике.

— Сегодня я у тебя не останусь.

Полли не появлялась два месяца. Аглая, честно сказать, не особо скучала. Вздорная девчонка вызывала у нее интерес, но за неделю постоянного пребывания в ее обществе, все статуэтки и милые вещицы, находящиеся в квартире, стали глядеть на Аглаю обиженно, словно стараясь отвернуться и не смотреть хозяйке в глаза. Каждый раз, когда Полли, девочка с повадками бродячей кошки, проходила по коридору, картины жеманно поджимали губы, а сувенирная керамическая посуда, привезенная то ли из Греции, то ли из Турции, начинала еле заметно покачиваться, выражая явное неудовольствие.

Полли не появлялась два месяца. Достаточный срок, чтобы жизнь успела войти в нормальное русло. И, все-таки, иногда Аглае не хватало ее бойких несдержанных фраз,

ее нагловатой ухмылки и ветра свободы, что овеивал ее волосы каждый раз, когда Аглая открывала окно.

Все продолжалось так.

В последний вечер января дверь квартиры вдруг затряслась от нетерпеливого стука, а через минуту перед хозяйкой предстала она — Полли. Растрепанная, в перепачканном пальто, со спутанными волосами и неизменной нагловатой улыбкой, она стояла и глядела Аглае в глаза — впусти.

— Я принесла тебе память, — Полли протянула сверток. Развернув его, Аглая отшатнулась. Освободившись от газет и пакетов, на нее глядела восковая маска, слепленная, казалось, целиком из человеческих страхов. Огромные впадины глаз, широкий нос, с левой стороны казавшийся толще, чем с правой, и кривая линия губ, чертившая на и без того мрачном лице презрительную гримасу.

— Зачем мне это? — Аглая нерешительно поставила подарок на прикроватную тумбочку и непонимающе посмотрела на гостью.

— Ты же так любишь запечатывать воспоминания. Это будет память обо мне. И кстати, не советую ставить ее рядом с кроватью — кошмары замучают.

И тут, совершенно неожиданно для себя самой, Аглая разозлилась. Кто дал этой девчонке право приходить к ней, взрослой женщине, когда ей вздумается, да еще и нагнетать атмосферу подарками вроде такого?

— Не злись. — Полли словно почувствовала ее раздражение. — Подумай сама, среди всех твоих приторных статуэток и сувенирных картинок моя нездоровая Память

окажется для тебя самой злой и необычной, а потому — самой запоминающейся. Честно говоря, я сама побаиваюсь ее, — Полли кивнула в сторону маски, — но ты же не считаешь, что память обязательно должна быть приятной?

— Ну, как сказать. Мне кажется, довольно глупо оставлять в памяти плохие воспоминания, а то для хороших места не останется.

— Плохих воспоминаний вообще не бывает. Бывают слишком сильные. Но без них ты так и останешься неполным. Вот скажи мне, ты знаешь, почему Мурманск — город летающих крокодилов?

— Нет. Но в любом случае, не думаю, что они там и правда летают.

— В том-то и дело. Это мне еще дедушка рассказывал. Когда он служил в этом самом Мурманске, на каждое вечернее построение в их взвод прибежала собака. Красивая такая, шоколадно-красного цвета. Они ее Каркадэ называли. Каждый день прибежала, смотрела, ни звука не произносила и только моргала часто-часто, и улыбалась во весь рот. А собака уже старая была, больная, зубы гнилые, и из пасти похуже, чем от протухшей селедки, пасло. Ну, какой-то солдат ее в шутку Крокодил прозвал, а за ним все подхватили, так имя и прикипело. Дед мне так и говорил, мол, выходит он из корпуса, а Крокодил ему навстречу скачет, хвостом, как пропеллером, машет, деду в руки тычется. А Мурманск — город холодный, северное сияние, морозы под минус 50, и ветер такой сильный, что с ног сбивает. Вот и Крокодил наш как-то бежал деду навстречу, да вдруг как полетит! А солдаты смотрят и

ржут, мол, вот, в городе летающих крокодилов живем. Только для пса этот полет последним оказался. Он, как ветер поутих, так об лед шлепнулся, что и помер сразу. Дед говорил, подбегает к нему, в глаза заглядывает, зовет, а Крокодил молчит, не отзывается, глаза белой пеленой заволокло, а в самых уголках — маленькие белые капельки замерзших слез. А Мурманск с тех пор для всего батальона стал городом летающих крокодилов, вот только большая часть солдат про Каркадэ и не знает ничего. Сохранилась история, как простая байка, вот и все. И про глаза с застывшими капельками только мой дед знал, а ты говоришь, воспоминания только хорошие нужны.

Следующие два дня Полли проспала, лишь изредка прерываясь на то, чтобы немного походить по комнате, возвращая только что ушедший сон.

— Как ты можешь спать так много? — спрашивала Аглая, возвращаясь с работы.

— Это еще не много, — Полли улыбалась и приглаживала растрепавшиеся волосы — тем более, когда не спишь как следует неделями, а потом, наконец, засыпаешь, сны видятся такие, что следующие несколько дней только и думаешь о том, как бы увидеть их еще раз.

— В самом деле? и что же тебе снится?

— В последнее время деда часто вижу. Он у меня волшебник, как зайдет в один сон, так и останется там, смеется надо мной и Полинкой зовет, ласково так, по-доброму. Я, вообще-то, не люблю, когда меня так называют, но ему можно. Вот сегодня он мне про

поезда рассказывал. Говорил, что в поездах невозможно воспринимать мир так же, как в любом другом месте. Мол, в поезде все обязательно обостряется, и даже легкий холодок кажется лютым морозом. Дед мой путешественником был. Каждый месяц его куда-то несло, и он, не раздумывая, туда несся. Когда я совсем маленькой была, видела его от силы два-три раза в год, но зато какие это были встречи! Он мне даже не привозил ничего, но разве это важно? Для меня куда дороже были наши разговоры. Помню, рассказывал, как с мужиками курить выходил. Мол, выбегаешь в тамбур ночью, дымишь, разговоры чужие слушаешь, а у самого зуб на зуб не попадает, и огонек сигареты туда-сюда раскачивается, прямо как огни городов за окном.

Полли замолчала, и Аглая решила было, что она снова задремала, но девочка продолжила говорить.

— Ты знаешь, мой дедушка, он вроде как болен был. Мама говорила, что это обычная бессонница, но я ей не особо верю. Наверное, дедушка ей не рассказывал, но я-то знаю: он все время место себе искал. Говорил, что если и засыпать, то только на трамвайных рельсах. Если все время вдоль них идти, то вроде и пути придерживаешься, а вроде и каждый раз на новом месте ночуешь. Вот так ложишься рядом с рельсами на траву, а мимо поезда снуют — из одного уха в другое, из пункта А в пункт Б, а ты лежишь, безмятежный и искренний, а над тобой звезды, перечеркнутые линиями проводов, и воздух, наполненный жизнью. Ясное дело, что тот, кто видел такие

звезды и такой воздух, не может спать в кровати и пытаться разглядеть небо через толщу потолка и этажей над ним.

— И что, он даже зимой так путешествовал? Холодно же! — Аглая поёжилась и завернулась в плед, а заметив, как Полли скривила губы, поспешила добавить — Нет, романтика, конечно, в этом есть, но ведь нельзя же так — всю жизнь караулить поезда! Он что, и сейчас спит где-то под открытым небом?

— Нет, он больше вообще не спит. — Полли задумчиво покачала головой. — Такие люди вообще не имеют обыкновения часто спать и часто просыпаться. Его уже года три никто не видел спящим. И бодрствующим тоже. С тех пор, как повернулся во сне неудачно, так все и пропало. Про него даже по новостям говорили, мол, пьяный под поезд свалился. Только он и капли в рот не брал, да разве докажешь это журналистам? И, ведь, вот как странно получилось: все тело словно через мясорубку пропустило, а лицо нетронутым осталось, глаза с застывшими в уголках капельками в небо глядят, а на губах улыбка, легкая такая, едва заметная... Вот тебе и сон в летнюю ночь. А спать он теперь только в мои сны приходит: сначала истории о путешествиях рассказывает, а потом по волосам меня гладит и говорит: — “Ну все, Полинка, я, пожалуй, подремлю немного”, и после этого я словно за двоих сплю.

Занимался рассвет. Девочка Полли спала, укутавшись в одеяло. На прикроватной тумбочке остывал чай, а в трехкомнатной квартире на последнем этаже старого дома еле слышно отсчитывали минуты

настенные часы. Сувенирные статуэтки кивали головами и, прикрывая глаза, напевали мелодию наступавшего утра, охраняя сон девочки от лишних шумов. Девочка спала, не думая ни о пугающей маске Памяти, ни о деревянной кошке, ни о северном сиянии города Мурманска... Девочка спала безмятежно и искренне. Ей снился стук колес.

Мария Филяева

Коллекционер историй

Тучи медленно обступали город со всех сторон, создавая над улицами и домами плотную тёмно-серую завесу. Ветер затих, и гробовая тишина окутала здания. Тяжёлым душным пологом предгрозовое молчание легло на усталые плечи Нью-Йорка. Люди стремились быстрее добраться до родного жилища. Они, как суетливые тараканы, сновали по улицам, торопливо застёгивая куртки и натягивая капюшоны; единственным их желанием было — спрятаться за толстыми стенами тёплого дома.

Город опустел.

Я, неспешно переставляя ноги, брёл по безлюдным дорогам вымершего Нью-Йорка. В левом кармане моего плаща лежали коробок спичек и последняя сигара, которую я бережно хранил до лучших времён. В правом же назойливо позвякивали оторванная пуговица и два цента.

Надвигающаяся гроза совершенно не пугала меня. Было бы правильнее сказать, что я о ней совсем не думал. В моей голове, пустынной, как этот город, вяло барахтались мысли, подобно мухам, попавшим в банку

с вареньем. От жизни уже ничего не хотелось. Ну, разве что, пару новых шерстяных носков и стакан виски. И, если первое желание невозможно было выполнить, то второе определённо имело право на жизнь.

На углу улицы был скромный маленький бар в чисто английском стиле. Его владелец, и по совместительству бармен, жил некоторое время в Лондоне, подрабатывая вышивалой в безызвестном ночном клубе. Денег он на такой работе, конечно же, много не скопил, а если быть точным, то всех сбережений хватило только на билет до Нью-Йорка. И жить бы ему на улице, роясь в мусорных баках, если бы не гибель всеми забытого двоюродного дедушки, добросовестно оставившего треть наследства внуку, которого он видел лишь два раза в жизни. Денег вполне хватило на открытие бара, замершего вне времени, где-то посреди грязных переулков бурлящего энергией города. Заведение было по типу «бедное для бедных», имело кривую выцветшую вывеску и стандартный набор клиентов.

Я уверенно толкнул тяжёлую дверь, мягко звякнувшую колокольчиком, и бодро шагнул в слабоосвещённый зал. В ноздри настойчивой бабочкой бросился особый аромат табака и крепкого спиртного, чуть погодя к нему прибавился прекрасный запах жареного мяса. Дверь сзади с оглушительным хлопком закрылась, однако никто из присутствующих не обратил на меня особого внимания. Игнорируя недовольное бурчание пустого желудка, я двинулся сразу к барной стойке, по которой вяло елозил тряпкой двухметровый хозяин заведения.

За круглым столиком, прямо напротив мутного окна, сидел, понутив кучерявую голову, завсегда-тай этого места. Всегда в аляповато-ярком полинялом пиджаке, всегда с обшарпанной тяжелой тростью и всегда с выражением полной безысходности на лице. Он художник и живет почти в пяти кварталах от этого бара, но каждый день, перед тем как сесть за надоевший мольберт и взять в руки осточертевшую кисть, этот потерявшийся в пустыни забвения любимец муз, идет в маленький, погрязший в бесконечных лабиринтах переулков, оазис и ждёт, ждёт, ждёт... Чего или кого? Сначала, он приходил сюда за вдохновением, и, выпив рома, с улыбкой свободного счастливого человека удалялся творить. Потом его улыбка начала постепенно меркнуть, а дозы алкоголя стали возрастать. Теперь этот художник приходит в бар по привычке и из-за желания выпить, а вдохновение стало несбыточной мечтой. Пустой холст, верно дожидющийся беглеца дома, уже никогда не будет заполнен, а вылинявшие кисти больше не смогут летать в руках свободного и наслаждающегося жизнью художника. Стекланные глаза, безучастно наблюдающие за голой улицей, подобны звёздам, так же бесконечно долго и безразлично следящим за жизнью людей свысока. И сейчас, когда рванёт наконец с чугунных небес первая, самая яркая и ослепляющая молния, этот погибший душой человек выйдет из бара и побредёт домой, нигде не останавливаясь и не обращая внимания на ливень и громяющее небо.

— Виски, — коротко бросил я хозяину заведения и присел на высокий стул. Крутанувшись на нём, я заметил ещё одного завсегда-тая, скромно сидевшего за самым дальним столом в этом мрачном помещении.

«Тёмный». Так я прозвал его про себя за привычку прятаться в один и тот же неосвещаемый угол и тихо посасывать пиво из бутылки, никому не мешая и ни с кем не заговаривая. Рассказывают, что этот малый страдает боязнью открытых пространств и на свежем воздухе тут же падает в обморок. Судя по его бледному, с налётом усталости, лицу, то что говорили — правда. Он живёт в этом же доме, только на втором этаже, в комнате с заклеенными окнами и вечерами слушает Ванду Джексон, королеву рокабилли. Почти весь день он проводит в баре, потихоньку напиваясь до зелёных фей, чтобы потом было не так страшно выйти на улицу и, пройдя пару метров, открыть дверь, ведущую на лестницу к его квартире. Утром он преодолевает этот путь с закрытыми глазами, а вечером, пьяно пошатываясь, учится брать верх над своим страхом и пытается пройти пару метров не закрывая глаз. Всего лишь несколько шагов и вот она, желанная дверь! Но с каждым разом, чем усерднее Тёмный просаживает свою печень днём, тем глубже фобия вонзает острые коготки в его разум, тем тише поёт королева вечером. Однажды деньги на алкоголь кончатся, страх полностью поработит слабый, подточенный одиночеством дух, и голос Ванды Джексон навсегда замолкнет, потерявшись в запутанном сплетении переулков Нью-Йорка.

— С вас два доллара пятьдесят пять центов, — оглушающим набатом разнёсся баритон бармена по тихому залу. Именно он напомнил мне, что два цента — это всё, чем я могу оплатить свой желанный напиток.

— У меня нет таких денег. Может быть, вы возьмёте мои часы? Они очень даже приличные... Только стекло чуть-чуть битое, но это же ерунда!

— Если у тебя нет денег, то выметайся отсюда! — злобно крикнул хозяин, замахнувшись на меня своей грязной тряпкой.

Я тихо встал и покинул последний оазис старой Англии, уверенно держащийся посреди бетонной пустыни бездушной Америки. Ноги несли меня вперёд, не желая промокать под ливнем, что вот-вот должен был начаться.

Впереди замаячили темно-зеленые головы деревьев, робко выглядывающие из-за безликих городских построек и манившие к себе свежим запахом листвы и пробуждающие глубоко внутри чувство единства с такой дикой и непостоянной природой. Парк посреди Нью-Йорка. Остров жизни в океане серости и бюрократии. Его аллеи смело вели меня вперед, умело путая и заводя в свои самые далекие и сокрытые уголки, очаровывая бесконечностью зеленого моря, про-

стирающегося вокруг, опоясывая ветвями ухоженных кустов, играя со мной, словно с кленовым листом, попавшим под власть непоседливого ветра.

Единственное, что мне доставляло хоть какое-то удовольствие в жизни — это собирание различных историй. Я слушал людские сплетни, выдумки, чистосердечные признания и пьяные причитания, я впитывал в себя информацию о чужих судьбах, как губка впитывает воду. Те же самые, увиденные мной в баре, художник и Тёмный, даже не знали, кто я такой, они видели меня сегодня впервые, а я уже мог рассказать им об их жизни больше, чем они сами могли бы знать. Мне это нравилось: я будто бы проживал сотни жизней одновременно, влюбляясь и расставаясь вместе с рассказчиками, заболевая, выигрывая, убегая, ожидая, умирая, в конце концов. Наверное, именно поэтому у меня никогда не было собственной судьбы, потому что я жил чужими историями.

Софья Исаева

Анастасия Храпунова

Если вам тоже есть чем поделиться с читателем, присылайте свои работы по адресу akhrapunova@gmail.com, указав в теме письма «Для рубрики Самая соль».

КРИК КАЛЛИОПЫ*

Люди даже не замечают, насколько важную роль в их жизни играет поэзия. Своя или чужая — не принципиально. Ведь здесь главное не индивидуальная поэтическая форма, с помощью которой выражены вечные истины и ценности, а именно чувственное или даже, скорее, интуитивное восприятие другими людьми этих самых истин в неизменном виде. Поэзия древним змием проникает в неокрепшее человеческое сознание еще со школьной скамьи, и, подобно дьяволу, искушает великим знанием, облеченным в, казалось бы, простую форму. Тот, кто вкусил однажды в полной мере этот сладкий плод, осознает могущество и силу поэзии, несущей в себе сокрытую истину.

* Древнегреческий поэт и оратор Дионисий Медный (прозванный так за то, что посоветовал афинянам ввести медные деньги) в своих элегиях называл поэзию «криком Каллиопы».

И каким же разнообразным предстает перед людьми искусство стихосложения в различные периоды жизни: в школе поэзия воспринимается практически исключительно на сюжетном уровне, в университете же воспитывается не только интерес к идейному содержанию, но и само художественное видение как произведений, так и мира в целом. Однако лишь в более зрелом возрасте, с опытом, приходит внутреннее осознание того, какие ключи от истины были в руках на протяжении всей жизни, и как неумело люди ими пользовались. Не пора ли погрузиться на глубинные слои сознания уже сейчас? Например, начав с поэзии студентов историко-филологического факультета.

Ты пишешь стихи и хочешь увидеть собственное имя на страницах газеты? Тогда присылай свои произведения на почту isaeva.sonja@yandex.ru с пометкой «Крик Каллиопы» в теме.

София Исаева

«Мое сознательное знакомство с поэтами началось с увлеченного прочтения томиков Бунина, Гумилева, Тютчева, Ахматовой, восхищения их дарованием, но какому-то дальнейшему развитию помешал уход в кибернетическое направление, требовавший полной отдачи. Дать выход желанию к изображению действительности в стихотворной форме я смог уже после завершения «служения» кибернетическому направлению. Вначале, погнавшись за стройной формой, я пришел к выводу, что занимаюсь конструированием стихов, а не их сочинением, и я отказался от рифмы. Когда темой стихов становились какие-то отвлеченные понятия, получалось преобладание «иллюминации» над смыслом. Выходом стала идея писать только на одушевленные мотивы. Неосознанно стали появляться строки, в которых я узнавал отражение пережитого, то, что я мог сознательно отрицать. И именно наличие таких строк с тех пор стало для меня обозначением того, что я не фальшивлю сам перед собой».

Капочкин Сергей, 1 курс магистратуры, история идей и интеллектуальной культуры

Претерпевшая

Я вдохновеньем кровь воспаляю
И ничего в своем пути не различаю,
И с каждым шагом будто молния пронзает,
А отголоски бывших дней лишь жалко угасают.

«Отринув воздух, я буду пламя с жадностью вдыхать
И навсегда в себе свободу заключу!»
Другие фразы сладко промелькнут,
И навсегда исчезли тусклые тона!

Но вот тревожный звон один, другой
Конец воздушным замкам пробивает.
За дело, вновь проклятое берется,
Лелея грезы бережно в себе.

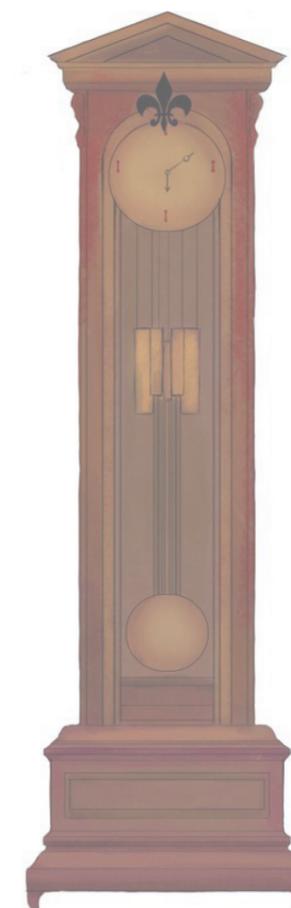
«Я пишу последние три года, в основном — сценарии для короткометражных художественных фильмов, стихи реже. Совершенно замечательными мне кажутся произведения поэтов начала и середины XX века: как отечественных, так и зарубежных.

Возможно, самой верной формулировкой было бы утверждение о том, что поэзия — это, скорее, не занятие или увлечение, а форма существования. Как, впрочем, и литература вообще».

Мороз Анна, 1 курс, филология (славистика)

Налог на тиканье часов

Налог на тиканье часов.
Без сна
Внутри.
И только сон — снаружи.
Меня совсем не будет слышно.
Но я
еще дышу,
И тот, другой,
не слышит.
И все со стороны и на виду -
Вот сад. Я спал в нем.
И в кого-то упаду.
Я сплю.
Я растворюсь в десятом предисловии,
Оно же — тень в аду.
Я — фон.
Безликий и степенный в ритме смерти,
Качающей седую колыбель.
Я — он,
Изысканно и чопорно
Нетленный,
Ложась в нагретую постель,
Опять без сна -
Он платит слишком много
За то, что слушает, как тикают часы.
Он давеча проездом был у Бога.
Потом он умер.
Я устал.
Я жду весны.

ДНИ МИНУВШЕГО НАСТОЯЩЕГО

Если говорить о событиях марта, то первейшая ассоциация современного жителя постсоветского пространства с этим праздником очевидна — это 8 марта. Не все, однако, осознают, что на данный момент этот день — ставший уже официальным государственным праздником — не только потерял среди широких масс своё историческое политическое значение, но и превратился практически в полную противоположность явлению, которое представлял собой при своём возникновении почти столетие назад.

Первоначально, женский день не был международным. Всё началось с забастовки работниц одного из текстильных предприятий в Нью-Йорке в 1908-м году. Позже идея была подхвачена германскими социалистками и активистками, в числе которых была Клара Цеткин. Установление международного женского дня солидарности работниц стран рассматрива-

лось как одна из деталей стратегии привлечения общественного внимания к женским проблемам и получения равных с мужчинами прав, в том числе — права голоса.

До 1914-го года день проведения митингов и забастовок постоянно менялся, и только после него закрепился за 8-м марта: по разным версиям то ли из-за того, что на этот день выпадал выходной, то ли в дань памяти «маршу пустых кастрюль», проведённого в 1857-м году, когда женщины вышли на улицы с требованием сократить рабочий день с шестнадцати до десяти часов и уравнивать заработную плату мужчин и женщин.

Очередные такие демонстрации, когда женщины в 1917-м году вышли на улицы с требованием прекращения участия России в Первой Мировой, послужили толчком, ускорившим развитие революции. Лев Троцкий писал: « 23 февраля (8 марта) был Международный Женский день, и были

предусмотрены встречи и действия. Но мы не представляли себе, что этот «Женский день» перерастет в революцию. Революционные действия были предусмотрены, но без даты. Однако утром, несмотря на приказы об обратном, текстильщики оставили свою работу на нескольких заводах и послали делегатов, чтобы просить поддержать забастовки ... что привело к массовой стачке ... все вышли на улицы.»

День считался праздничным в Советском Союзе, но оставался рабочим до 1965-го года, когда «в память о выдающемся вкладе советских женщин в строительство

коммунизма и в защиту Отечества во время Великой Отечественной Войны», стал выходным.

Вообще интересны как смена отношения советской власти к женскому вопросу, так и изменение распространяемых в советский период женских образов. Проводя предреволюционную политическую агитацию, большевики обещали женщинам уравнивание в правах с мужчинами, что обеспечило им большую гражданскую поддержку. Обещание предоставить женщинам право голоса было действительно выполнено сразу же в 1918-м, что, однако, не повлияло на проблему предста-

вительства женщинах в государственных органах. Номинально сразу после революции женщины получили доступ к традиционно мужским профессиям, однако за возвращением солдат сначала с фронта Первой Мировой, а потом — Гражданской войны последовали массовые увольнения женщин с промышленных предприятий для освобождения рабочих мест для вернувшихся мужчин.

Приход к власти нового режима означал необходимость конструирования образов граждан в соответствии с навязываемой идеологией. Бинарная оппозиция никуда не исчезла, но некоторое время происходила маскулинизация женских образов: на плакатах и в журналах советская гражданка была представлена как крепкая здоровая трудящаяся женщина в просторной функциональной одежде. Атрибутами этого образа были кожанка, ремень, сапоги, самокрутка, короткая стрижка, отсутствие косметики. Женские же образы с уклоном в феминность — хрупкие, изящные женщины в дорогой элегантной одежде ассоциировались с «вражеским» дореволюционным, беструдовым эксплуататорским, мещанским бытом.

Поскольку государство собиралось контролировать и частную сферу, на 8 марта в 1925-м и 1926-м годах были выдвинуты идеи по освобождению советских женщин от «кухонного рабства» — сложившейся традиционной необходимости поддерживать

домашнее хозяйство, необходимости, отнимающей свободу выбора рода занятий и затрудняющей продвижение по карьерной лестнице. Планировалось, что всё население перейдёт на пользование общественными столовыми, общественным прачечными и детскими садами.

Большинство идей, однако, не получило распространения, и уже с 30-ых годов начался откат произошедших изменений: было объявлено, что абсолютное равноправие уже достигнуто, «женотделы», занимающиеся женским образованием, были массово закрыты, в журналы и газеты начал возвращаться традиционный образ украшающей себя, заботящейся о хозяйстве и не имеющей карьерных амбиций женщины.

Конституция 1936-го года провозгласила, что «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни». В том же 1936-м были законодательно запрещены аборты.

Такой откат происходил и все последующие годы, пока в итоге, первоначальное значение дня 8 марта и движение в защиту прав женщин не были окончательно вытеснены из народного сознания, и этот день не превратился в праздник, посвящённый закреплению традиционных патриархальных норм и чёткого обозначения роли женщины в обществе.

Мария Дубовская

ВДОХНИ НОВОЕ ВЕЯНИЕ

Добро пожаловать в уютную и сказочную статью! Речь пойдет о женщине, на сказках которой росли многие поколения, знакомые образы из её книг украшают одежду многих карапузов по всему миру... Надеюсь, что более очевидной подсказкой станут иллюстрации к статье. Встречайте «литературную маму» Муми-семейства- Туве Марику Янссон.

Туве Марика Янссон — финско-шведская писательница, художница. Все её произведения написаны на шведском языке, хотя родилась она в Хельсинки, 9 августа 1914 года, и всю жизнь жила в Финляндии. Ее мать — Сигне Хаммарстен — была художницей, а отец — Виктор Янссон — скульптор. Туве была первым ребёнком в семье. Ее брат Пер Улоф впоследствии станет фотографом, а другой брат Ларс — художником.

Туве не сомневалась в своих планах на будущее. Театральный режиссер Вивика Бандлер пи-

шет в своих воспоминаниях, что «Туве была воспитана относиться ко всем, кто не был художниками, с состраданием». Она оставила школу в 15-летнем возрасте в 1930 г. и переехала в Швецию, где жила в семье своего дяди по линии матери. Начала учебу в Стокгольмском художественно-промышленном училище, где помимо живописи брала уроки рисования, каллиграфии и геральдики, декоративной росписи, керамики и художественного оформления книг. Именно в Стокгольме Туве впервые познакомилась с муми-троллями: дядя Эйнар предупреждал ее, что придет муми-тролль, подышит ей холодом на шею, если она слишком часто будет по ночам лазить в шкаф с продуктами (ах, если бы и мне угрожали муми-троллями!). Внешний облик муми-троллей также берет начало в 1930-х г. Большеносое существо из дневников и акварелей Янссон понемногу перебирается в рисунки фин-

ско-шведского юмористического журнала 1940-х г. «Гарм».

Ее живописные работы были представлены на многих выставках Финляндии и Швеции, она много работала для театра, который всегда был ее страстью, и иллюстрировала книги. Янссон любила английскую

литературу и поэтому с особым воодушевлением трудилась над рисунками к книгам Л.Кэрролла и Дж. Р. Толкина. А в 1938 году написала и проиллюстрировала свою собственную книгу — сказочную повесть «Маленькие тролли и большое наводнение» — и, наконец-то, «обрела ощущение подлинной свободы, когда сама стала выполнять оба вида работы». Книга была напечатана в 1945 году. А потом появилась книга «Муми-тролль и комета», и еще одна — «Шляпа волшебника». И еще целых двенадцать великолепных книг, снабженных тонкими, оригинальными рисунками.

Популярность писательницы очень скоро вышла за пределы ее родной Финляндии. Книги про муми-троллей были переведены более чем на 25 языков и теперь известны во всем мире. Именно они обеспечили ей всеобщее признание: на ничего не подозревавшую Янссон посыпался настоящий «дождь» из разнообразных премий и наград, включая самую главную — Международную Золотую Медаль имени Ханса Кристиана Андерсена в 1966 г.

В ее поздних книгах про муми-троллей все больше слышится печаль и меланхолия, эти повести уже нельзя назвать в полной мере детскими, скорее, они адресованы читателям всех возрастов; она рассказала о своем детстве в автобиографической повести «Дочь скульптора» (1968), опубликовала несколько сборников рассказов («Слушательница», 1971; «Игрушечный дом», 1978), роман «Город солнца» (1974). И снова имела успех: ее реалистические произведения были призваны «значительным явлением современной скандинавской прозы».

Произведения Туве Янссон создают в сознании читателя атмосферу дома, её хочется читать, чтобы знать, что рядом есть кто-то, что можно найти безопасность и спокойствие внутри себя.

Первое произведение Туве Янссон было написано под влиянием войны: молодая художница, замечая, как «умирают цвета», хотела посреди этой мрачности воссоздать то, что напоминало о ее счастливом и безопасном детстве. Первую версию книги «Маленькие тролли и большое наводнение» Янссон написала еще во время Зимней войны 1939- 1940 гг. Ее герой, большеносый Муми-тролль, скорее комический образ так как, по мнению Янссон, посреди войны нельзя рассказать красивую или романтическую сказку.

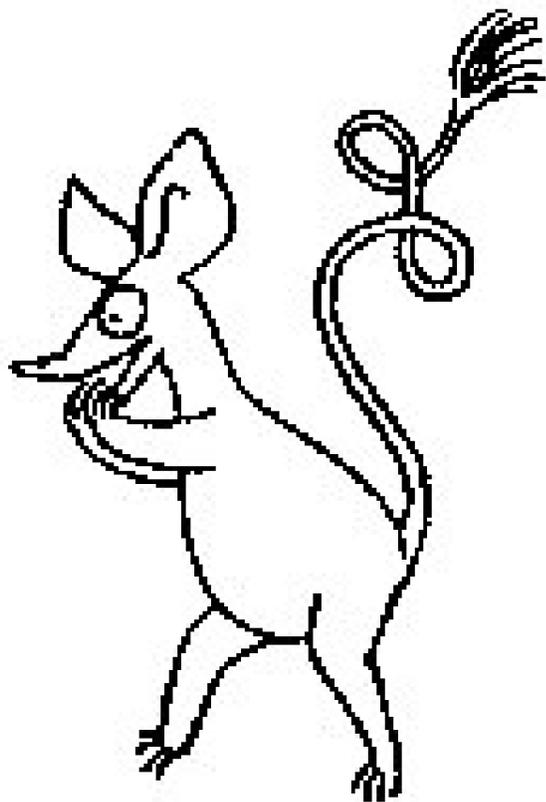
«И всегда находится безопасное убежище. Не только под постельным бельем и одеялом, но и в тайных, укромных уголках, которые все дети когда-нибудь находят и создают для себя: в зарослях, на дереве, в сугробе или на чердаке... Счастливый ребенок может найти пещеру, но безопасность может быть идеальной и уединенной и под обеденным столом. Там опасности приходит конец. За дверь дома могут грабить, но в доме царит безопасность. Безопасность может таиться в чем-то повторяющемся. Вечерний чай на веранде, отец, который заводит часы. Это всегда неизменно. Отец будет заводить часы во все времена, и поэтому Мир не может быть уничтожен. Можно сделать его ужасающим, добиваясь уничтожения, но к успеху это не приведет».

Сказки так же возвращают в мир безопасности, где нет рутины и гру-

за ответственности. Как писала она сама: «Не пишем ли мы — будь это трагедии или детские стишки — скорее ради нашего собственного удовольствия? А может быть, из-за неприятностей, которые нас одолевают? И радости или удовольствия, переживаемые нами, не всегда являются

импульсом для создания детского стишка. Возможно, кое-кто пытается сбросить со своих плеч лишний груз детскости, для которой нет места в обществе взрослых. А возможно, кое-кто старается восстановить то, что постепенно исчезает. Кто-то, возможно, стремясь возвратиться в тот мир, где нет ни ответственности, ни суровой правды жизни, пишет ради собственного своего спасения».

Тове Янссон не особенно верила в авторитеты — так же, как и ее родители. Если судить по ее воспоминаниям, ядро семьи муми-троллей сильно напоминает собственную семью Янссон. Образ Виктора Янссона такой же, как Муми-Папы, который время от времени впадает в депрессию от зеленого спокойствия долины муми-троллей, усаживает свою семью в лодку и переезжает

на скалистый островок с маяком далеко в море. Очень близки между собой Муми-Мама и Сигне Хаммарштен-Янссон, мечущиеся между творчеством и работой по дому.

Дочь таких творческих людей вдохновляет умением создавать свою реальность для безопасности внутреннего мира и делиться этим миром. Вдохновляет её внутренний свет, умение понимать психологию детей. И конечно, её безграничная фантазия, которая позволила ей быть между детством и взрослостью. Фантазия, которая не помешала бы нам, чтобы сберечь нервы в бешеном ритме современной жизни.

В холодные зимние вечера хочется теревить в руках страницы подобной книги, от которой веет атмосферой света. Хочется, чтобы иллюстрации становились реальными, чтобы искренний и отзывчивый Муми-Троль брал твою руку в свою лапку и вёл на встречу неведомым путешествиям, чтобы Муми-Мама достала для тебя из сумки леденец, а Муми-Папа дал мудрый совет. Этот мир создала вдохновляющая меня Тове Янссон, но оживает он лишь в нашем воображении. Друзья, позвольте себе ненадолго снова стать ребенком, позвольте себе пуститься в мир сказочных приключений без оглядки!

Интересные факты:

1. На острове близ г. Наантали (20 минут на автобусе №110 или №11 от Турку, Финляндия) открыт тематический парк «Страна муми-троллей», посвящённый героям серии книг про муми-троллей. Парк функционирует в летнее время и закрывается в последнюю неделю августа, когда «муми-тролли впадают в спячку».

2. С 2002 года в Финляндии вручается Литературная Премия имени Туве Янссон.
3. В день похорон Янссон в Финляндии был объявлен национальный траур. Президент страны, обращаясь с соболезнованиями к родственникам писательницы, сказал, что «творчество Туве Янссон — самый большой вклад Финляндии в мировую сокровищницу культуры после Калевалы и Сибелиуса».

По словам Софии Янссон, племянницы Туве, история появления Муми-Тролля на свет такова. На острове, где семья Янссон проводила каждое лето, туалет находился не в доме, а на улице. Изнутри он был обит картоном. На этом картоне все члены семьи любили рисовать и писать, там шла очень бурная переписка, например, с братьями они размышляли о философских проблемах. Однажды брат написал там какую-то историю о Канте. Тове не могла придумать что-то ему в ответ и нарисовала какое-то существо. Тогда она сказала, что это было самое некрасивое существо, какое только она могла придумать. Это и был первый Муми-Троль.

Советую тем, кто находит время для внепрограммного чтения (кстати, я наконец-то в ваших ещё более бессонных рядах):

Тове Янссон «Дочь скульптора».
«Из речи Туве Янссон, произнесенной по случаю присуждения Международной золотой медали Х.К.Андерсена»

Ваши статьи, заметки, эссе жду по адресу adochka.95@mail.ru. Они не будут изменены мной, а лишь приобретут незначительный комментарий

моего восприятия вашего вдохновителя.

Алия Мухитова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУХНЯ

 Мы рады приветствовать тебя, дорогой читатель, в нашей новой рубрике! Здесь ты узнаешь все самые вкусные рецепты из любимых книг, сможешь освоить их и приготовить сам! Ведь что может быть лучше, чем любая попытка воплотить мир сказок в реальность?..

Пауло Коэльо «Алхимик»

«...Люди взбирались по крутизне и вдруг на самом верху видели перед собой лавку, где им предлагали холодный и освежающий мятный чай в красивых хрустальных стаканах. Как же было не зайти и не выпить?!»

«Моей жене до такого не додуматься!» — говорил один, покупая несколько штук: в этот вечер к нему должны были прийти гости, и он хотел удивить их замечательными стаканами.

Другой утверждал, что чай кажется гораздо вкусней, когда пьешь из хрустального стакана — в нем, мол, он лучше сохраняет свой аромат. Третий вспоминал, что на Востоке существует давняя традиция пить чай из

хрусталя, потому что он обладает магическими свойствами.

И очень скоро все прознали об этом, и народ потянулся по склону, чтобы своими глазами увидеть, какие новшества можно внести в такой старинный промысел. Появились и другие заведения, где теперь посетителям подавали чай в хрустальных стаканах, но туда не надо было карабкаться, и потому они пустовали.

Очень скоро Хозяину пришлось нанять еще двоих. Теперь он не только торговал хрусталем, но и отпускал невероятное количество чая жаждущим новизны людям, ежедневно стекавшимся в его лавку.

Так прошло полгода».

Софья Унковская

Мятный чай в хрустальном стакане:

Хрустальный стакан
Чайная ложка (обязательно опустите её в стакан, прежде чем наливать горячий чай, иначе придётся собирать осколки!)

Мята — пару веточек (можно сухую)

Чай зелёный или чёрный

Зеленый чай с мятой:

2-3 ст.л. зеленого чая и добавьте веточки мяты, залейте кипяченой немного остывшей водой (~ 80° градусов). Дайте настояться 10 минут. По вкусу можно добавить лимон и мед.

Чёрный чай с мятой:

Для заваривания черного чая с мятой также желательно использовать фарфор или стекло.

Возьмите черный чай одну часть и листья мяты одну часть. Листья мяты измельчите, добавьте к чаю. Залейте кипяченой водой примерно 90° градусов. Дайте настояться.

Мятный чай со льдом:

Вскипятите воду и добавьте в нее мяту, желательно свежую. Дайте настояться 15 минут. После этого охладите и разлейте в стаканы, добавьте лед. Можно украсить листочками мяты и лаймом.

Если вы хотите прислать рецепт из вашей любимой книги или даже из рассказа собственного сочинения, присылайте и рецепт, и отрывок с ним на почту unkovskaja.

sophia@yandex.ru. Хороших книг и приятного аппетита. :-)

ГЛАЗА КАК ЗЕРКАЛО

С 10 по 12 марта в РГГУ прошла VII ежегодная студенческая научная конференция, в этом году получившая название «Глаза как зеркало: взгляд и видение в культуре», организованная руководителями и участниками семинара «Визуальное в литературе» кафедры ТИСП. «8:45» расскажет, как удалось успешно провести конференцию, почему она получилась такой продуктивной и запоминающейся, и почему в ней можно и нужно участвовать в следующем году.

Все постоянные участники семинара отметили, что в этот раз размах мероприятия превзошёл по количеству докладов все предыдущие года. Дело в том, что организаторы решили провести масштабную рекламную кампанию для привлечения большего числа новых участников. За три месяца до самого события уже начали продумываться идеи по продвижению конференции. Самым продуктивным элементом стали афиши,

развешанные на стендах РГГУ. Наверное, многие из вас их заметили и откликнулись. Кроме того, о проведении конференции узнали студенты из других факультетов и вузов, например, МГУ, СГСПУ, ГИТИС, ВШЭ, УрФУ, а также возможность поучаствовать была предоставлена ученикам 8-9 классов из московской гимназии 1514, которую связывают отношения преемственности со старшими участниками семинара. Информация разлетелась так стремительно, что, впервые за 7 лет проведения конференций, доклады, ограниченные для порядка строжайшим регламентом в 10 минут, никак не могли уместиться в двухдневную программу. Выбранная на этот год тема взгляда и видения практически не сковывала фантазию для написания любопытных докладов и породила, по выражению С.П. Лавлинского, настоящий «накал ментальных страстей». Всё ещё думаете, что научные конференции скучные и зануд-

ные, а подготовка доклада занимает много времени? Возможно, увлекательное путешествие наших культурных взглядов действительно требует определённых усилий. Согласитесь, что качественное расширение сознания и плодотворная рефлексия того, о чём удалось рассказать и услышать, не даются даром. Для того и создаются у нас на факультете такие проекты, чтобы студенты могли изучить настоящие темы и поделиться своими открытиями в практически домашней, уютной обстановке, которую ощущаешь именно здесь, полностью погружаясь в визуальное в литературе и других искусствах. Стоит отметить концептуальную группировку докладов по тематикам. Первый день по большей части был посвящён феномену взгляда и пристального вглядывания как такового, особого художественного видения в художественном произведении, в театре, в кинематографе, в фотографии. Пятничным

утром внимание аудитории было сосредоточено на анализе лирических произведений, в которых исследовались механизмы видения. После кофе-брейка сразу же погружались в постижение загадочного феномена синестезии в музыке, конструировали взгляды в кинематографе. Суббота прошла за раскрытием понятий «смотреть» и «видеть» в романах, рассказах и пьесах, потому что, как выяснилось, многие находят чрезвычайно занятным глубокий анализ художественного текста. Проявка фото как перформативный акт, эксфрасис в стихотворении, голландская живопись 17 века, пограничные пространства, недопущение смысловой многозначности, совмещение всех органов чувств, цветной слух, черно-белое зрение, процессы короткого замыкания в мозге, обряды, демонические мифы, шаманские сказки, инициации самоопределения... Это только вершина тематического айсберга круга научных

изысканий, неким магическим образом связывающих все доклады воедино.

Щелчки фотоаппаратов не смолкали дольше, чем на пять минут, а самые жаркие «перестрелки» велись на коллективных обсуждениях доклада. Доброй традицией стала неотъемлемая перформативно-интерактивная часть. В этот раз состоялся просмотр фильма «В шкафу», являющийся курсовой работой выпускницы ГИТИСа Дарьи Аксеновой. А в последний день, в качестве подведения итогов работы, все присутствующие выразили свои впечатления и эмоции в виде 15-ми-

нутных театрализованных представлений по мотивам проведённых на конференции дней.

Спецсеминар «Визуальное в литературе» всегда рад новым участникам! Благодаря ему в наше филологическое сообщество вносятся разнообразные, нетривиальные взгляды на интересные, и возможно никогда ранее серьёзно не поднимаемые проблематики. Забудьте обо всех предрассудках и ошибочных представлениях о конференции, у вас всегда есть шанс для хорошего старта.

Ольга Емец

Приходит весна. Это всегда время маленьких перемен, за которыми непременно следуют грандиозные победы. Время, когда еще холодно, но уже хочется ощутить легкость от стремительно приближающегося тепла. И мы готовы мерзнуть в тоненьких пальто, подгоняя тем самым приход так любимшейся нам весны.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОСКОП

В марте мы празднуем Международный женский день, а потому в этом выпуске звезды литературной галактики поздравляют всех девочек, молодых девушек, роскошных женщин и почтенных дам с Международным женским днем! Предлагаем вам отыскать себя среди женщин, чье имя запомнила литература и пронесла сквозь века и года, чьи произведения многим нам знакомы своей чистотой и искренностью, а также свойственной женщинам чувственностью...

Любить, мечтать, действовать — это то, что провозглашают героини со страниц любимых нами книг: «Поющие в терновнике», «Гордость и предубеждение», «Унесенные ветром». В их поэтических строках так тонко описана душа, прослежена эволюция волнений, в именах литературных деятелей наблюдается стойкий характер.

Звезды облачились в женские образы и предлагают вам Март!

(21.03 — 20.04) БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

«В тот месяц май, в тот месяц мой во мне была такая легкость, влекла меня погоды летность...». Звезды в этом месяце пророчат вам душевную гармонию. Кажется, что с приходом весны ваш внутренний огонь начинает согревать и растапливать холодные сердца. Наступает эпоха бушующих пожаров и страстей, всё это, однако, еще только впереди, а сейчас время для истинных наслаждений.

(21.04 — 20.05) ШАРЛОТТА БРОНТЕ

Порой кажется, что там, за закрытыми дверями, ничего нет и никто не прячется. Но тогда зачем, позвольте, их закрывать? Помните, что у каждого есть свои тайны, а каждый шкаф хранит свои скелеты. Мир — это тайна, человеческая душа — бездна. Вы полны желаний открывать второе дно, во имя любви быть готовым ко многим секретам. Звезды будут с вами.

(21.05 — 21.06) КОЛИН МАККАЛОУ

Мы сами создаем для себя тернии и даже не задумываемся, чего нам это будет стоить. А потом только и остается, что терпеть и уверять себя, что мучаемся не напрасно. Счастье достается тому, кто умеет ждать, но не сложа руки. Всё же движение — это жизнь, так что действуйте, двигайтесь и будьте учтивы ко времени в этом месяце.

(22.06 — 22.07) АННА АХМАТОВА

«И лёгкости своей дивится тело, //И дома своего не узнаешь, //И песню ту, что прежде надоела, //Как новую, с волнением поешь». Так приходит весна: видеть необычное в обычном, дивиться и удивляться, любить и влюбляться, высвободить душу от всевозможных горьких мук и дышать полной грудью. Это время поступков и решений, и вся вселенная благоприятствует этому.

(23.07 — 23.08) ДЖОАН РОУЛИНГ

Платформа девять и три четверти открывается весне и вам вместе с вашими яркими фантазиями и желаниями отыскать крестражи собственной души. Куда вы ее растасовали за прошедший год? В работу, любовь, положительные или отрицательные эмоции? Стали вы сильнее? Вы хотите отыскать выручай-комнату и сбиваетесь с ног в ее поисках, но вот совет: ищите ее внутри себя. Это время для обращения к себе самому.

(24.08 — 23.09) АГАТА КРИСТИ

Вы и ваши десять негрят снова в каких-то авантюрах. Ведь в реальной жизни подчас так не достает тайны, двусмысленности, эмоциональных неожиданностей и духовных приключений, пусть хотя бы и иллюзорных. Однако звезды советуют быть предусмотрительными.

(24.09 — 23.10) МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Вы становитесь более энергичными, беретесь за интересные дела, действуете вместе с единомышленниками дружно и согласованно. Больше времени вы будете проводить в дороге, постоянно куда-то идти и бежать. Вы ищете и находите неумное желание: «Быть нежной, бешеной и шумной, //- Так жаждать жить!»

(24.10 — 22.11) МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ

Унесенные ветром, унесенные чувствами — вы, словно отважная Скарлетт, мчитесь навстречу любви, душевным исканиям и поискам себя настоящего. Не боясь ни преград, ни проверок на прочность, вы действуете наперекор судьбе, отвоевывая у нее свое законное счастье.

(23.11 — 21.12) ДЖЕЙН ОСТИН

О каком же предубеждении может идти речь, когда дело касается толики чувств родных и близких? Гордячки-Джейн могут в этом месяце ранить и не заметить, уязвимость становится вашим пороком, но ваше природное обаяние и мудрость не должны позволить вам нести разрушение. Будьте внимательны, учитесь слушать в этом месяце не только свое сердце, но и сердца тех, кем вы дорожите.

(22.12 — 20.01) ГЕРТРУДА СТАЙН

Вы окружены интересными творческими личностями. Кажется, это то, что вам сейчас нужно. К вашему мнению прислушиваются, за вашими советами следуют. Может, вы захотите организовать клуб или сообщество? Кто знает, ведь порой в процессе рождаются на свет одни из самых красивейших творений, а вы, как предводитель, сможете напитаться этим творческим воздухом и понять, чего же вы хотите.

(21.01 — 20.02) ВИРДЖИНИЯ ВУЛФ

Ваш профиль узнаваем везде и в любой ситуации. Утонченные, вы знаете цену себе и собственным целям. Достигнутого вам мало, и вы знаете, что сидя на месте вы не добьетесь многого, а потому действуете. Молча и самостоятельно, так очаровательно и изысканно идете прямо к результату. Не упускайте этот момент.

(21.02 — 20.03) ВЕРА ПОЛОЗКОВА

Полозковы привыкли жить по законам, что известны только представителям их знака. Они помышляют о неизведанных, манящих даях, их прельщают рыцарские подвиги. Полозковы думают о справедливости, о правде, обо всём крайне важном, мировом. Звезды пророчат вам большие начинания в этом месяце, в ваших руках не упасть духом.

Виктория Ивановская

Катерина Акимова

(глав-Вред)

Штатный Тони Старк группы, правда, не-миллиардер, не-очень-гений, вполне себе филантроп, пока дело не доходит до дедлайна. Созывает всех на собрания, ораторствует, следит за исполнением сроков, проводит предварительную редакцию статей.

Наталья Шуванёва

(вёрстка, художественное оформление)

Грозный смотритель маяка нашего журнала, следит за своевременным исполнением работ в срок, дилер самого вкусного чая, справедливый критик и ценитель лаконичности.

Светлана Гусева

(иллюстрация, художественное оформление)

Золотые руки, моря терпения и волосы, которым тихо завидует, сидя в своей башне, Рапунцель. Создает неповторимый стиль нашей газеты (денно и ночью, порой) и всегда приходит на помощь!

Виктория Ивановская

(рубрика «Литературный гороскоп»)

Та самая, кому открывают свои тайны звезды, предсказатель судьб, знаток литературной галактики, готовая поделиться секретами вселенной со своими читателями, концентрация магического и прекрасного команды.

Анастасия Храпунова

(рубрика «Самая соль»)

Внимательный читатель, большой любитель шоколада, оптимист и поддержка команды. Внимательно следит за душевным состоянием редакции и вовремя приходит реанимировать павших при исполнении с шоколадками.

Софья Исаева

(рубрика «Крик Каллиопы»)

Строгость и здравомыслие команды, ответственность и исполнительность. Работа старостой группы и заместителем председателя Студсовета факультета научили ее смотреть на вещи философски и успевать бывать в трех местах одновременно (маховик времени?..).

Виктория Переверзева

(рубрика «Театральные сезоны»)

Искушенный театрал, начинающая актриса, благодарный зритель, не пропускающий самые значимые театральные премьеры: как в стенах родного ВУЗа, так и за его пределами!

Дарья Тимофеева

(рубрика «У каждого свое кино»)

Рыцарь печального образа, киноман со стажем, видит все самое прекрасное, что таится по ту сторону экрана, разбирается в качественном кино и с радостью готова поделиться своими наблюдениями с читателем.

Дарья Цаплина

(вёрстка, художественное оформление)

Третья рука верстальщика, необходимая в этом непростом деле, повелительница уюта. А также путешественник по различным странам и городам, склонный к усердному созерцанию всего прекрасного в этом мире и попыткам передать его через свое творчество.

Мария Дубовская

(рубрика: «Дни минувшего настоящего»)

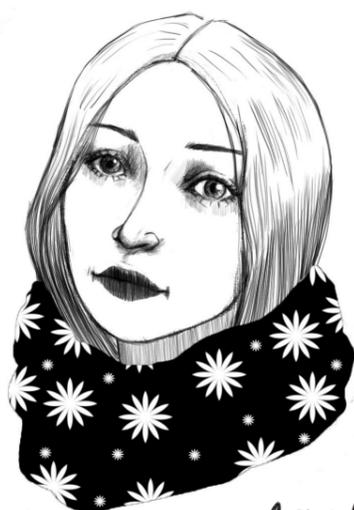
Виват ля революсьон! Большая любительница чаепитий (не бостонских) и апельсинового сока, прекрасных маленьких птиц и Джорджа Вашингтона. Любознательная читательница, пребывающая в вечном поиске — знаний, открытий и впечатлений.

Софья Унковская

(редакция статей, рубрики: «литературная кухня», «Театральные сезоны»)

Рука помощи, готовая протянуться любому, кто попросит. Редактирует статьи, пишет свои. Нещадно сокращает длинные предложения, исправляет нелогичности и очень серьёзно относится к работе. Иногда даже чересчур.

Алия Муховская

(рубрика «Вдохни новое веяние»)

Умеющая вдохновлять и вдохновляться, умеющая видеть красоту в себе и в окружающих, знающая, как подбодрить улыбкой и ласковым словом, молодая актриса, рассказчица жизней необычных людей и их судеб.

Редакция "8:45" благодарит
студентку 2 курса ИФИ РГГУ
Анну Крамер
за помощь!

